

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.052

УДК 070.13:39 + 821.161.1-95(470.5)

Е. К. Созина

1) Институт истории и археологии УрО РАН

2) Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

ПИСАТЕЛЬ VS КРИТИК: ПОЛЕМИКА ОБ УРАЛЬЦАХ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ СЕРЕДИНЫ XIX в.*

Литературно-критические и социально-политические полемики в России XIX в. часто выступали средством регуляции общественного мнения, одна из них является предметом данной статьи. Теоретическим обоснованием исследования выступает концепция М. Бахтина, согласно которой текст может рассматриваться «как территория борьбы», область идеологии. Ее продолжением служит современное понимание текста и его прочтения как социального события, вовлекаясь в которое, стороны читательского диалога ведут борьбу за владение значением (Б. Ашкрофт). Ситуация полемического общения на почве текстов обнажает личностные и иные идентичности субъектов, и само читательско-критическое восприятие чужого высказывания или языка, будучи экстерииоризовано, становится своеобразным текстом самоописания субъекта, а нередко и той общности, от имени которой он говорит или которую представляет.

В середине XIX в. в русской культуре происходит активное освоение внутренних пространств страны, сопровождаемое формированием этнографического направления в науке и литературе. На протяжении 1850-х гг. несколько столичных журналистов посещают Оренбургскую губернию и знакомятся с жизнью и бытом Уральского казачьего войска, публикуя об этом свои материалы. В статье рассматривается полемика, возникшая между одним из заезжих путешественников — П. Небольсиным — и коренным уральским казаком И. Железновым, в ответ на цикл статей Небольсина об уральцах написавшим ряд своих возражений. Довольно скоро полемика сместилась в сторону отношений России с «киргизами»

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века».

(казахами), ближайшими соседями уральских казаков, и к ней присоединился еще один автор — оренбургский чиновник Л. Плотников. В статье выявляются позиции всех трех акторов как представляющие разные версии имперского, колониального сознания, которое даже в ту пору было далеко не однородным.

Ключевые слова: критическая полемика; колониальная проблематика; уральские казаки; этнографический дискурс; тексты самоописания.

Цитирование: *Созина Е. К.* Писатель vs критик: полемика об уральцах в русской печати середины XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 151–167.

Поступила в редакцию 14.06.2018

Принята к печати 09.07.2018

Elena K. Sozina

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

AUTHOR VS CRITIC: THE DISPUTE ABOUT THE URAL PEOPLE IN THE RUSSIAN MEDIA OF THE MID-19TH CENTURY

In 19th century Russia, literary critical and sociopolitical discussions were often an instrument of regulating public opinion, and one of such discussions is the subject of this article. The theoretical basis of the study is Mikhail Bakhtin's concept, according to which a text can be regarded as a territory of struggle and an area of ideology. This concept continues in the contemporary understanding of text and its interpretation as a social event, being involved in which the sides of the reading dialogue struggle for the possession of meaning (B. Ashcroft). The situation of debate with reference to texts reveals personal and other identities of the subjects of such debates and being exteriorised, the reader's critical perception of someone else's statement or language, becomes a text of its own where the subject describes themselves and, quite frequently, the community he or she belongs to or represents.

In the mid-19th century, Russian culture faced the development of inner spaces of the country, accompanied by the formation of the ethnographic sphere in scholarship and literature. During the 1850s, a few journalists from the capital visited Orenburg Province and became acquainted with the everyday life of the Ural Cossack Host, publishing materials about it. The article describes the debate between one of the visitors, P. Nebolsin, and a local Ural Cossack, I. Zheleznov who wrote several objections to Nebolsin's cycle of articles. Soon enough, the debate changed its focus and concentrated on Russia's relations with the Kyrgyz (Kazakhs), Ural Cossacks' closest neighbours, and was joined by another author, L. Plotnikov, an Orenburg official. The article singles out the positions of the three actors of the situation, representing different versions of imperial and colonial consciousness which was heterogeneous even in those times.

Key words: critical debate; colonial issues; Ural Cossacks; ethnographic discourse; texts of self-description.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 16-04-00118 “On the Border of Literature and Fact: Languages of Self-description in the Periodical Press of the Urals and the Northern Urals of the 19th — First Third of the 20th Centuries”.

Citation: Sozina, E. K. (2018). Pisatel' vs kritik: polemika ob ural'tsah v russkoj pechati serediny XIX veka [Author vs Critic: The Dispute about the Ural People in the Russian Media of the Mid-19th Century]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 151–167.

Submitted on 14 June, 2018

Accepted on 09 July, 2018

Существенным фактом общественной и литературной жизни России XIX–XX вв. выступала (и продолжает выступать, несмотря на «кризис» традиционных средств массовой информации, особенно «толстого» журнала) критическая полемика, обычно происходившая на базе периодической печати, чем далее, тем более начинавшей играть важнейшую роль в расстановке не только литературно-художественных, но и социально-политических сил в стране. Изучение роли и состава периодических изданий — давнее направление литературоведения и журналистики; в последние годы с новых позиций активно исследуются ход и содержание литературных полемик в известных журналах России XIX столетия [см.: Зыкова; «Современник» против «Московитянина»; Володина]. Но чаще всего в работах ученых речь идет именно о литературно-критических полемиках и спорах; дискуссии иного рода — общественно-политические, экономические, философские и т. п. — гораздо реже становятся предметом специального изучения. Объектом рассмотрения в данной статье является одна из частных полемик в русской дореволюционной периодике, нередко проявлявшей то «широкое понимание областного интереса», которого известный идеолог сибирского областничества Н. М. Ядринцев в начале 1870-х гг. требовал от провинциальной печати [Ядринцев, с. 222]. Известно, что локально-областное (направление, тема) порой с наибольшей яркостью и полнотой выявляет общенациональные интересы и различное их понимание участниками дискуссии. Думается, это общее замечание справедливо и в отношении рассматриваемого ниже случая.

Несколько слов о концептуальных основаниях нашего анализа.

Поводом к возникновению журнально-газетной полемики обычно становится прочтение одним из ее участников текста другого, выступающего в этом случае, по определению М. Бахтина, «как территория борьбы», область идеологии [Бахтин, с. 226, 227]. Само чтение (и понимание) может рассматриваться при этом как социальная ситуация, социальное событие. Словно продолжая мысли М. М. Бахтина, современный ученый Билл Ашкрофт говорит о том, что в процессе читательского диалога (а он далеко не всегда увенчивается согласием) происходит постоянная борьба между автором и читателем, или между разными акторами высказывания, за «владение» значением. «Значение — социальное

достижение, которое характеризуется участием писателя и читателя как “функций” в рамках “события” определенного дискурса» [Ашкрофт, с. 233].

В производстве значения совместно задействованы «*интенциональность*» (здесь и далее курсив автора. — Е. С.) участников и *направленность* дискурса» [Там же, с. 235], так как любой акт понимания включает в себя определенную контекстность, интердискурсивность, к которой можно отнести язык описания, кодирующий текст, а отсутствие контекстности для одного из участников коммуникации или ее игнорирование чаще всего ведет к провалу коммуникации или насильственному присвоению значения доминирующим субъектом. Это тем более очевидно, когда обмен высказываниями происходит в поле напряженной и вполне реальной борьбы акторов за свои (не обязательно узколичные) интересы, когда происходит столкновение социальных, политических, этнических и прочих идентичностей. Непонимание читателем-собеседником другого может быть связано: а) с концептуальным непониманием и/или неприятием его позиции, происходящим вследствие принципиально разных контекстностей — психологических, политических, идеологических мотивов — это, так сказать, базовое непонимание; б) с непониманием языков, системы кодов, т. е. герменевтическим конфликтом, нередко обнажающим внутриличностные проблемы субъекта восприятия (его мировоззренческую негибкость, субъективное неприятие другого, нежелание понять и т. д.) и часто скрывающим базовую, мотивационно-содержательную ситуацию непризнания и неприятия, но могущим быть связанным и с элементарным незнанием «языка» — грамматики текста.

Таким образом, ситуация полемического общения на почве текстов, а также понимания / непонимания друг другом субъектов высказываний неминуемо обнажает личностные и иные идентичности субъектов, и само читательско-критическое восприятие чужого высказывания или языка, будучи экстерииоризовано, проговорено, становится своеобразным текстом (способом) самоописания субъекта, а нередко и той общности, от имени которой он говорит или которую представляет. Эти несложные теоретические положения мы будем иметь в виду в ходе дальнейшего содержательного анализа ряда публикаций в российской печати середины XIX столетия.

В указанный период в общественном сознании и жизни России наблюдается оживленный интерес к исследованию и описанию самых разных пределов страны — ее внутренних регионов, как вошедших в состав империи давно, «своих», что называется, по умолчанию, так и присоединяемых к ней в течение последних десятилетий. Этот интерес к освоению внутреннего, а зачастую и внутренне-внешнего пространства начался еще в эпоху романтизма (если пользоваться историко-литературной сеткой) и продолжался весь XIX век; он совпал, а скорее, стимулировал развитие самой культуры и науки — как реалистической стратегии сознания и письма в искусстве, так и этнографического направления в нем же, фольклористики и этнографии, в ту пору принадлежащих в России к общей области народознания [см. об этом: Соколова]. Точнее, все эти явления и тенденции сошлись вместе, а почему, что было первичным, мы сказать не можем.

Среди регионов, словно бы заново открываемых литературой и периодической печатью, был и Южноуральский регион — огромная по протяженности территория, граничащая с киргизской (казахской¹) степью и относимая тогда к Оренбургской губернии (с 1838 г. территория киргизской степи была поделена также между Астраханской и Тобольской губерниями). Мы остановимся на одном ее сегменте, хотя также весьма обширном, — том, что считался территорией Уральского казачьего войска с центром в г. Уральске². В 1850-е гг. эту местность посетили сразу несколько российских писателей и журналистов, причем двое из них — в рамках Литературной экспедиции, затем они написали свои уральские очерки: «Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856–1857 гг.)» [Михайлов]; «С дороги в Уральск», «Из Уральска» [Максимов]. Но раньше них здесь побывал П. И. Небольсин, создавший цикл «Уральцы» [Небольсин, 1854б; 1855б]. Кроме того, с 1854 г. в столичной печати начинает фигурировать имя И. И. Железнова — коренного казака, сделавшего предметом своей литературной деятельности описание жизни, службы и быта уральских казаков. В 1855 г. развернулась его полемика с П. Небольсиным по поводу очерков последнего «Уральцы»: две статьи Железнова «Несколько замечаний уральского казака по поводу статей П. И. Небольсина» публиковались в журнале «Московитянин» [Железнов, 1855а, № 7; 1855б, № 12]. Ответ Небольсина появился в «Санкт-Петербургских ведомостях» того же 1855 г. [Небольсин, 1855а], на него также последовали очередные «Несколько замечаний...» Железнова [Железнов, 1855в, № 15/16]. Затем полемика продолжилась уже в 1860 г., когда Железнов опубликовал в «Русском вестнике» статью «Киргизомания» [Железнов, 1860], направленную против очерка Небольсина «Путешествующие киргизы», опубликованного в том же журнале несколько раньше [Небольсин, 1860] и вызвавшего ответную реакцию не одного Железнова, но и оренбургского жителя Л. Плотникова [Плотников, 1860]. Плотникову вновь ответил Небольсин [1861], Небольсину — Плотников [1861], и на этом данную полемику можно считать завершенной.

Рассматриваемый дискурс весьма показателен в целом ряде отношений. Очевидно, что вокруг уральского казачества и способов его взаимодействия с соседями по степи сложилась некая зона напряженности, связанная не столько с поиском истины, адекватной реальности, сколько с конфликтом интересов сторон и их различных идейных позиций. Ни один из участников конфликта не желал уступать другому, так что, пожалуй, можно согласиться с польской исследовательницей Б. Оляшек, написавшей книгу о русских спорах и озаглавившей одну из ее глав так: «О предрасположенности русских к спорам» [Оляшек, с. 9]. Полемика подобного рода может считаться достаточно типичной для периодической печати того времени, и диалогический конфликт или

¹ В России казахи обычно именовались *киргизами*. Имея это в виду, при разборе текстов мы следуем норме описываемого времени.

² Ныне это территория Казахстана, и г. Уральску, в прошлом Яицкому городку, возвращено казахское наименование — Орал.

диалогическая структура русского романа произрастали, что называется, из самой жизни культуры и русского общества. Однако она выводит нас и в гораздо более широкое дискурсивное поле, связанное с освоением Россией на протяжении XVIII–XIX вв. территории Средней Азии. Процесс присоединения казахских жузов к России был завершён только в первой половине XIX в., границу со степью держали яицкие и уральские казаки, поселения которых в казахских степях относятся ещё к концу XV — началу XVI в. [см.: Центральная Азия..., с. 31–61], поэтому их претензии на свой кровный интерес в этом регионе могут считаться достаточно обоснованными.

Разбирая содержание и ход указанной полемики, подчеркнем, что, как и во многих других подобных случаях, один из «собеседников» — Иоасаф Железнов — выступил в роли читателя-критика очерков Павла Небольсина, и между ними развязалась настоящая борьба-конкуренция за «владение» значением, пространством которой стал текст, правда, не художественный, а документально-художественный (если говорить об очерках Небольсина) и чисто публицистический — у Железнова и Плотникова. Вместе с тем, в процессе критической полемики текст каждого из них выступает и своего рода текстом-самоописанием тех формаций, посланниками которых являются авторы, а одновременно, с учетом их личностных интенций, — самоописанием всего региона. Зачинщиком критической баталии, как уже было сказано, стал Железнов, но вначале дадим краткую характеристику позиции Небольсина.

Очерки Небольсина написаны по канону этнографической прозы того времени, тем более что первый из них печатался в «Вестнике Русского географического общества», которое в середине XIX в. посылало добровольцев по деревням и весям России со специальным опросником-анкетой: по ней предлагалось делать описание той или иной местности с ее народонаселением. По поручению РГО в 1850–1851 гг. Небольсин предпринял путешествие в прикаспийские области и в Букеевскую орду для исследования торгово-промышленных отношений России и Средней Азии (хотя эти цели и задачи автора в большей степени отразились в других его книгах, в частности, в «Рассказах проезжего» 1854 г., где также описаны его впечатления от поездки по Средней Азии). По этим причинам очерк Небольсина в «Вестнике РГО» оказался более объективен, нежели второй, опубликованный в «Библиотеке для чтения»: автор старается придерживаться в нем правды факта, последовательно дает точные сведения о составе уральских казаков — социальной структуре их общества, откуда они появились в этом крае (подчеркивается их родство с донскими казаками), образе жизни, занятиях, нравственном состоянии и т. д. Через весь очерк проходит мысль о том, что «...Уральцы остаются коренными, старинными, допетровскими русскими», не успели еще «утратить в себе дух богатырства, который характеризует нынешние его промыслы» [Небольсин, 1854а, с. 221], все здесь «дышит каким-то диким величием и величавой дикостью... еще семнадцативековой Русью» [Там же, с. 222].

Патриархальность уральского казачества, его исключительно традиционный образ жизни и характер более всего поражали также последующих заезжих

путешественников: и М. Михайлов, и С. Максимов писали об этом в гораздо более резком тоне³. Очерк Небольсина заканчивается настоящим панегириком казакам: «...нигде в России... дух общности, товарищества не выражается так рельефно и в таких почтенных размерах, как в Земле Уральского Казачьего Войска» [Небольсин, 1854а, с. 227].

Второй даже не очерк, а их цикл, состоящий из двух гораздо более пространственных статей, почти сразу опубликованных отдельной книжкой, появился, как уже было сказано, в «Библиотеке для чтения» и отличался большей вольностью стиля и авторской свободой. Издание, рассчитанное на широкого читателя, заставило автора сменить характер повествования, да и сама природа очерка, чрезвычайно распространенного жанра в середине века, располагала к смешению стилей и активному использованию субъективно-личного начала, изгоняемого в этот период, как пишет Г. В. Зыкова, из беллетристики [Зыкова, с. 77–79]. Чисто очерковое, документальное повествование чередуется в цикле Небольсина с беллетристическими вставками: таково, в частности, начало текста, где дается сцена петергофских гуляний и разговор нескольких дам, пытающихся разгадать национальность встреченной ими незнакомки, которая оказывается не далматкой и не черногоркой, как поначалу думают дамы, а донской казачкой из Нижних Чиров. Для статей характерны душевно-поучительные интонации автора, словно совершающего презентацию «отдельного, огромного мира» — России и тем подводящего читателя к своей теме — рассказу об области Уральского казачьего войска, в два с половиной раза превышающего размеры Бельгийского королевства. Далее подробнейшим образом описываются типичные занятия уральцев, из которых наибольшее количество страниц отдано картинам разнообразного лова рыбы — и аханному рыболовству, и багрению как занятиям экзотическим для средней полосы России, не говоря о столицах. В ряде сцен изображается бытовая сторона казачьей жизни — взаимоотношения мужчин и женщин, картины свадьбы, игр и развлечений, характер моды, одежды, воспитания детей и т. д. Этнографическая составляющая присутствует в полной мере: в конце очерков даются тексты нескольких уральских песен.

Что же вызвало такую резкую негативную реакцию Железнова-читателя? Очерк в «Вестнике РГО» он оценил еще достаточно благожелательно, а вот двухстатейный цикл в «Библиотеке для чтения» произвел на него «невыносимое впечатление». Он оспаривает многие наблюдения и выводы Небольсина, в первой статье уличает его в неверном понимании состава населения казачьего войска и их статуса («...деление на вольных людей и на крепостных я, козак⁴, обитатель Войсковой Земли, не совсем понимаю» [Железнов, 1855а, № 7, с. 152]), неверном

³ См., напр., у Михайлова: «Вокруг Земли уральского войска нет каменной стены, которая отделяла бы его, как Китай, от Европы, но такая стена, и притом тверже камня, существует в головах уральцев»; «Я не знаю ничего более темного и безотрадного, как семейный кров уральца» и т. д. [Михайлов, с. 7, 16].

⁴ И. Железнов так же, как С. Максимов, использует форму слова, устаревшую уже в XIX в., но сохранившуюся в украинском языке: *козак*. П. Небольсин и другие авторы чаще всего используют более современное (даже на тот период) написание *казак*. Мы следуем за написанием авторов.

определении вероисповедания казаков (они не раскольники, а старообрядцы), искажении их истории (по Небольсину, казаки появились на Яике со времен Ермака, по Железнову — в начале или первой половине XVI в.).

Но, пожалуй, наибольшую ярость читателя-критика вызвали вопросы бытового устройства и морали в изложении Небольсина: это знаменитая «девятая пуговка» на сарафане казачек, на которой когда-то в своем очерке сделал акцент В. И. Даль⁵, затем эту остроту повторил Небольсин, а вслед за ним и попозже — Михайлов (но его очерк, по-видимому, не попал в поле внимания Железнова). Этот пункт стоит у Железнова на первом месте в исчислении ошибок Небольсина, ибо тот высказал «злую и не совсем приличную насмешку над простодушными, целомудренными и гостеприимными уралками» [Железнов, 1855а, № 7, с. 151].

Не меньшее раздражение Железнова вызвали замечания Небольсина о полукочевом характере жизни уральцев (Небольсин только что «не назвал уральцев прямо номадами» [Железнов, 1855в, № 15/16, с. 215], тогда как «Уральцы, так сказать, приросли к своей земле» [Железнов, 1855а, № 7, с. 159]), их нерасположенности к ремеслам (ремеслами заниматься казакам не позволяет их служба, хотя среди них есть прекрасные мастера, настоящие художники своего дела — седельные и ружейные мастера, по изготовлению будар (душегубок или «летучих лодочек») и др.), их языке, якобы отличающемся от общерусского (знаменитое также со времени Даля цоканье или пришептывание казачек), и, наконец, все, что было сказано заезжим путешественником по поводу отношений казаков со степными соседями. Таким образом, несмотря на первоначально положительную оценку первой статьи Небольсина, Железнов в плане содержательном не согласен с ним фактически ни в чем, за исключением завершающего тезиса о «духе общности и товарищества» как центральном качестве уральцев.

Мотивы этой критики, в общем, понятны: Железнов подвергает сомнению и отрицанию все тезисы Небольсина как «туриста», пришлого человека, который в один приезд решил, что он все понял о казаках. «В этой полемике, — отмечал автор вступительной статьи к сочинениям Железнова Н. А. Бородин, — всецело вылился в лице самого автора тип казака, и душою и телом привязанного к своей родине, казака, для которого свята и дорога всякая мелочь его быта, для защиты которой он готов идти в огонь и воду» [Железнов, 1910, т. 1, с. XVIII]. «...А Уральское казачье войско есть мой дом, моя семья...» [Железнов, 1855а, № 7, с. 157], — писал сам Железнов. Его критический отзыв выстраивается по принципу антитезы: *свое* — *чужое*, и поскольку Небольсин чужой, то плохо все, что он говорит. Так, например, рассказ Небольсина о наемке «верен, но — странное,

⁵ Имеется в виду замечание в очерке Даля (под псевдонимом Казак Луганский) «Уральский казак», впервые опубликованном в сборнике А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» 1842 г.: «Они (уралки. — Е. С.)... ткут шелковые пояски, шьют сарафаны на себя с отборной девятой пуговицей, а рубахи — с шелковыми рукавами...» [Даль, с. 160].

однако ж, дело — он кажется мне то слишком длинным, то очень коротким...» [Железнов, 1855а, № 7, с. 164].

Глубинной причиной несходства становится идентичность казаков: отталкиваясь от описаний Небольсина, Железнов утверждает безусловную оригинальность, самостоятельность, внутреннюю автономность казаков как независимой общности, на равных правах с другими входящей в состав России и, быть может, ярче всего представляющей русский народ, — своего рода субэтнос. Ему важно отделить казаков от окружающих кочевых племен, отсюда его гнев на Небольсина, когда тот пишет о кочевом характере жизни казаков. Причем в своеобразном тексте самоописания, встающем со страниц критических статей Железнова, есть и своя зона молчания, нечто вроде табу — «А почему, вздумалось бы кому-нибудь спросить, запрещается в г. Уральске и его округах нанимать в работники на сенокос киргизов? Это... гм!.. как бы сказать... Это, извольте знать, материя длинная и в высшей степени скучная, ни для кого нелюбопытная и неинтересная: стало быть, я хорошо сделаю, ежели умолчу о ней» [Там же, с. 162]. Киргизы для Железнова как для коренного уральца несопоставимы по своей антропологической ценности с казаками, говоря о казаках, нельзя ставить на одну доску с ними киргиза, в данном случае это своего рода «неописуемое» пространство (хотя, вероятно, была и вполне конкретная причина запрета нанимать в работники киргизов). «Табу» сам Железнов нарушит в одной из последующих статей, о чем ниже.

Вторая статья Железнова, как результат критического прочтения двух очерков Небольсина в «Библиотеке для чтения», в целом, повторяет уже обозначенные пункты: Железнов с дотошностью «своего» человека исправляет допущенные Небольсиным ошибки при описании различных занятий казаков — рыболовства, игры в городки, домашнего быта. Вновь возникают темы женского сарафана и девятой пуговицы, оседлости казаков, обширности и древности их поселения на данной территории (вопрос о Гурьеве, откуда была родом мать Железнова). Приводя воображаемую или реальную (не суть) беседу с неким «ополчанином», Железнов осуществляет своеобразную подмену лица (уловка в споре) — отождествляет своего московского собеседника, не умеющего отличить уральских казаков от донских и склонного к тому, чтобы причислить их кочующему сословию, с Небольсиным — тот становится для него типическим образом не только заезжего «туриста», но и просто плохого, полуобразованного сына своего отечества. «Но никому из русских... непростительно не знать, по крайней мере, где живут чисто русские и где иноплеменники, где жители имеют оседлость и где они кочуют, где говорят русским языком и где иноплеменным...» [Железнов, 1855б, № 12, с. 84].

Однако в действительности за критикой Железновым очерков Небольсина можно вновь увидеть его почти детскую ревность к чужому автору, пишущему о «своем» для него, потомственного казака. Кому, как не Железнову, знать все подробности жизни уральцев, понимать, что собою представляет сарафан, который носили и мать его, и сестры, что, скажем, «сороки» или «понижи»

в убранстве нынешних женщин-уралок, отмеченные Небольсиным, — это теперь «страшный анахронизм», и т. д. Частное, бытовое, домашнее, казалось бы, находящееся на периферии этнографического дискурса, становится сферой наибольшей полемической остроты, здесь Железнов отвергает все метаязыковые коды, сложившиеся еще в предшествующей Небольсину литературе — у Левшина и Даля, поскольку эта сфера для него наиболее своя, интимная, ее границы он охраняет особенно ревностно. Ее своего рода символом и становится пресловутая девятая пуговка, вновь и вновь возникающая в читательской критике Железнова, перед которой даже ошибки в передаче Небольсиным языка казаков выглядят мельче.

С точки зрения постколониальной критики и расстановки социально-политических акцентов Железнов выступает здесь в амбивалентной роли колонизирующего (как казак, охраняющий границы империи от степи) и колонизируемого (как представитель окраины по отношению к центру), поэтому можно сказать, что он осуществляет своего рода постколониальную критику Небольсина как носителя чиновной, посторонней, чужой и чуждой точки зрения центра, взирающего на окраины как на своих подчиненных, субалтернов. Читатель-критик выступает от лица казачества как его полномочный представитель, отражающий агрессию постороннего, навязывающего ему свой язык, свое отношение к жизни.

«Бог» Железнова — в деталях, соответствующих, как он подчеркивает в своей третьей заметке, правде жизни. Казалось бы, и Небольсин стремится детально и правдиво, по канону этнографически-реалистического письма изобразить жизнь уральцев, но он приводит их к некоему общему знаменателю, отталкивается от авторитетов (прежних авторов) и обобщает, т. е., по Железнову, обезличивает такую родную и живую для казака *его* жизнь. Этот обезличивающий взгляд чужака Железнов и пытается заменить своим, взыскующим и пристрастным. Неправомерно большое место в его статье отведено сарафану — пуговки, покроя, рукава и пр. — почему? Для Железнова важно, что жизнь казаков, несмотря на верность традициям, меняется: меняется одежда, быт, у них есть свой прогресс жизни, тогда как для остальных авторов, «чужих», казачий быт — это один сплошной анахронизм и архаизм без всякого движения⁶. Быт, одежда, стиль поведения, обычаи и праздники — это не ухватишь со стороны, это то, что можно познать только изнутри, буквальным самоописанием.

Характерно, что в своем ответе на «Несколько замечаний» Железнова Небольсин подчеркивает свою дистанцированную позицию по отношению

⁶ Так, Небольсин писал: «...Как внешний наряд, так и внутренняя жизнь уральских женщин всецело принадлежит еще ко времени допетровской Руси» [Небольсин, 1854а, с. 223]. Другую оценку архаичному образу жизни уральских казаков давал С. Максимов, сочувственно упоминавший уже погибшего к тому времени Железнова: «...вся коренная основа козачьего быта выходит из древних порядков и зиждется на них, как на главном существе своем», но это и сделало «из уральского войска отдельную землю, самобытный народ», изучение которого «будет составлять интересное и поучительное занятие для всех тех, кто верит в возможность практического применения русских общинных начал» [Максимов, с. 95]. Различие в идеологии авторов определяло принципиальное отличие их оценок патриархальности уральцев.

к уральским казакам: «Оренбургский край я посетил с единственной, с исключительной целью изучить внешнюю нашу торговлю с Хивой и Бухарой, предмет живой, интересный, почти вовсе не разработанный и чрезвычайно обширный» [Небольсин, 1855а, с. 1], в очерках он описывал все «именно так, как сам понимал дело или как сумели мне растолковать люди наблюдательные, умеющие глубже в него взглянуть» [Там же], поэтому многие доводы Железнова для него — спор о словах. Верно угаданная Железновым позиция абстрагирующего отчуждения выражается в формуле Небольсина: «Сказано, что Азия — так Азия и есть!» [Там же, с. 2]. Поэтому «...Чего-нибудь похожего на цехи, какого-нибудь стремления к улучшениям, каких-н. попыток к облагораживанию вкуса тут и искать нечего» [Там же]. Небольсин представляет позицию имперского сознания, а в нем — торгового капитала, точнее, сословия, обслуживающего интересы формирующегося в России капитализма, поэтому он чрезвычайно подвижен и готов к восприятию и отражению разных территорий как могущих служить развитию предпринимательства.

С этой позиции он описывает делегацию киргизов, в 1860 г. посетившую столичные города России, и эта статья Небольсина также вызвала критику Железнова, и не только его. В новом развороте полемики обнажается проблема отношений России (а для Железнова — прежде всего уральских казаков) с ближайшими юго-восточными соседями, т. е. чисто колониальная проблематика.

Статья Небольсина «Путешествующие киргизы» написана с позиции снисходительного превосходства над киргизами как менее цивилизованными, менее культурными соседями, которые, однако, нужны России и потому заслуживают внимания⁷. Приезд их состоялся для передачи им «новейших успехов науки и просвещения» [Небольсин, 1860, с. 44]. Описывая их поездку, автор сетует на то, что киргизам показали культурные достижения России и Европы (Эрмитаж, Кунсткамера, Ботанический сад), но не продемонстрировали новейших способов хозяйствования, землепользования, улучшенные породы скота и пр. — всё, что помогло бы обнаружить всю «грубость и невежество коснеющей в невежестве Азии» [Там же, с. 47]. Причем Небольсин фактически уравнивает киргизов с уральскими казаками, их ближайшими соседями, которые, с его точки зрения, «негуманно смотрят вообще на мухамеддан, а на киргизов в особенности», не признают «благодетельных лучей западного просвещения» [Там же, с. 45]. Для «туриста» Небольсина, путешествующего из столицы по своей дипломатически-торговой надобности, и киргизы, и уральские казаки — это

⁷ Это отношение Небольсина к киргизам прослеживается и в его «Рассказах проезжего», обнаруживая себя уже во вводной главе. Автор оказывается знаком с понятием *раса*, которое стало вхоже в российское сознание лишь ближе к середине XIX в., его продвижением наука была обязана американскому врачу и антропологу С. Мортону (1799–1851), чья теория рас в то же время достаточно быстро стала служить обоснованию колониализма и расизма. Термин *раса* употребляется рассказчиком Небольсина и его спутником в связи с различием в шляпах, которое они наблюдают, продвигаясь от Москвы на юго-восток: «Киргизы совсем не наша раса: и цвет, и покррой, и форма их колпаков есть необходимый, разумный, чисто логический результат топических условий. <...> ...наша раса совершенно иная. Мы в трескучие морозы в легких шелковых шляпах щеголяем! Тут та же причина — география!» [Небольсин, 1954б, с. 8].

отдаленные, замкнутые, архаические сообщества, которые следует сделать полезными для России, и с точки зрения империи киргизы представляют гораздо больший интерес.

Понятно, что текст статьи Небольсина, воплощающий западнический, цивилизаторский тип отношений как с «инородцами», так и со своими соотечественниками, вызвал абсолютное неприятие Железнова. Он, представитель казачества, носитель имперской власти над степью, вдруг оказался низведен до роли «подчиненного», менее важного, а по сути, зависимого от того значения, которое Россия (т. е. центр, столица) придавала киргизам. Железнов обозначил позицию Небольсина как «киргизоманию», обвинил его во фразерстве и в подтасовке фактов. Пристрастный взгляд уральского читателя-критика не пропустил нападок столичного жителя на «своих»: «Мы хотим сказать: г. Небольсин, восхваляя киргизов, прокатился насчет уральских козаков!» [Железнов, 1860, с. 46]. Несмотря на удаленность территории уральских казаков от центра России: «Уральские козаки живут на востоке, на рубеже России с Азией...» [Там же, с. 50], — для Железнова важна их не только локальная, но и общенациональная, российская и русская идентичность: «Уральский козак и русский человек суть лица тождественные, потому что уральский козак и русский человек, например, купец, мещанин, крестьянин и т. п., живут одинаковой жизнью», поэтому «упрек... сделанный автором *Путешествующих Киргизов* уральским козакам, одинаково относится и ко всем русским» [Там же, с. 46].

Обыгравая метафору Небольсина «лучи западного просвещения», в финале своего очерка Железнов не без горечи замечает: «...не на ком другом, а на самой России лежит призвание согреть лучами просвещения киргизов и иных многих инородцев, потому что уральские козаки, в свою очередь, ждут этой теплоты от России» [Там же, с. 51]. Сама обида и вызванное ею ожесточение Железнова выдают его скрытое недовольство невниманием правительства, а за ним и всей России к делам и нуждам уральских казаков — «этой горсти русских, занесенной в такую даль от России» [Там же].

С ответом Небольсину выступил также оренбуржец Лев Плотников, ездивший с киргизами в путешествие в качестве пристава и сопровождавший их во всех передвижениях по России и ее городам. Он представил более объективное и обстоятельное, не столь экспрессивное, как у Железнова, прочтение заметки Небольсина. Однако и он уличает столичного журналиста в поверхностности, незнании национального характера и обычаев киргизов, исправляя его ошибки, подробно рассказывает о целях и содержании поездки. Он также стоит на патерналистской позиции по отношению к киргизам, но при этом спокойного, знающего и уверенного в себе «отца», оберегающего своих «взрослых детей» от излишне обильных и вредных для них впечатлений: «Вне своей степи это были... взрослые дети, не более» [Плотников, 1860, с. 266]. Поэтому навязывать им европейско-русские нововведения в области сельского хозяйства или промышленности (о чем сетовал Небольсин) бесполезно: «безграмотным или полубразованным людям нельзя добыть таких знаний в месяц» [Там же, с. 275], для

их образования требуется время, и степняк рано или поздно сам придет к необходимости заменить кетмень на более совершенное орудие труда. Рассуждая о киргизах, Плотников не сомневается в своем праве знать о них гораздо более, нежели верхогляд Небольсин («Я имею слабость думать, что здесь в Оренбурге далеко лучше автора статейки знают и киргизов, и то, как их учить, и чему пока учить...» [Плотников, 1860, с. 277]), и не только потому, что он местный житель, но и в силу его положения как представителя власти.

Небольсин ответил на статью Плотникова, параллельно отбросив в сторону «Киргизоманию» Железнова:

Статья уральского писателя облечена не совсем-то в литературную форму; с подобным направлением, каково направление его «Киргизомании», статьи обыкновенно ответа не удостоиваются. Но взгляд на вещи г. Плотникова несравненно шире и человечнее, чем у г. Железнова: он не возводит уральцев в перл создания, не топчет бедного инородца в грязь, не указывает на сирийскую резню и не делает темных намеков в том роде, как делает г. Железнов. Г. Плотников поступает совершенно иначе: статья его написана дипломатически [Небольсин, 1861, с. 30].

Признавая некоторые ошибки, допущенные им в прежней публикации и исправленные Плотниковым, Небольсин пускает в ход тонкую, но достаточно чувствительную иронию: «Чиновничья замашечка видна в руке, наводящей мысль читателя на мою бесцеремонность» [Там же, с. 31] (среди чиновников есть и такие, «которым нечего краснеть за свое чиновничество» [Плотников, 1861, с. 32], — ответит Плотников на эту колкость).

Сам Небольсин идентифицирует себя как объективного исследователя края: «Для труженика, который имел возможность только десять месяцев труда посвятить на то, чтобы ознакомиться с обширным Оренбургским краем...» [Небольсин, 1861, с. 30]. Плотников для него на протяжении всей ответной статьи — «оренбургский дипломат» и «оренбургский чиновник». Небольсин же во втором ответе Плотникова характеризуется как «путешественник-дилетант», и если его «Очерки торговли России со Средней Азией» еще получили слабое одобрение «оренбургского дипломата», то в статье «Киргизы» из «Рассказов проезжего» Небольсина, «кроме приторной сладости, или поверхностного обзора с достаточным количеством жидкой грязи» [Плотников, 1861, с. 31], он уже не увидел ничего существенного и нужного для читателя.

Характерно, что каждый из участников спора по-своему защищает киргизов, точнее, свою точку зрения на жителей степи. Но, несмотря на различия, позиции их сходятся в главном: киргизы для Плотникова — «полудикари», в полной мере наделенные «азиатской ленью» [Плотников, 1860, с. 270], малограмотные «взрослые дети»; для Небольсина они, несмотря на иногда проявляемое ими бунтарство, «преданные России дети природы» [Небольсин, 1861, с. 31] — и опять-таки «полудикари».

Современный исследователь темы взаимодействия казахских жузов с Россией отмечает, что «одним из последствий влияния идеологии Просвещения

в России стало рождение в эпоху Екатерины “имперского мифа о правителе полудиких народов” и, соответственно, если логически развить эту мысль, идеи о цивилизующей роли империи. <...> Образ диких сынов природы удачно вписывался в представления просвещенной империи и отвечал ее потребности осознания своей просвещенной, а значит, европейской идентичности» [Сухих, с. 155]. Этой задаче, собственно, должны были соответствовать и организуемые с 1826 г. визиты делегаций казахских ханов в Россию, и эту стратегию империи обнаруживают дискурсы как Плотникова, так и Небольсина. Железнов не отличался дипломатическими склонностями, он открыто и прямо выражал свою позицию, противоположную официально принятой: «Я, если разбирать меня с общей точки зрения, — *гуманист*, но коснись дело до интересов казаков, я — *эгоист*. Я и днем, и ночью, и наяву, и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. Киргиз для меня — создание совершенно постороннее...» [Железнов, эпиграф б/с].

Итак, каждый из обозначенных авторов, вовлеченных в полемику, выразил в ней взгляд совершенно определенной группы — определенную идентичность, столь ярко показавшую себя именно в полемическом столкновении мнений. И. Железнов выступает с позиции замкнутой в себе, ограниченной локальности, озабоченной непризнанием ее идентичности другими и чужими. Киргизы для него — не внешнее окружение, но часть его мира, оттесняемая на периферию и, по его мысли, необоснованно выдвинутая П. Небольсиным в центральную зону общественного мнения и дискурса. Позиция Л. Плотникова первоначально представляется более широкой, сориентированной на цивилизацию и культуру, он верно прочитывает и претензии на всезнайство Небольсина, и его верхоглядство, и судит о киргизах как через призму своего локального знания, так и с точки зрения общенациональных интересов, так что для него в этом случае казаки естественным образом отходят на периферию. Он ярче всех выразил государственно-административную точку зрения на отношения России с киргизами, неслучайно его статьи привлекаются современными исследователями как пример ее обоснования в печати [см.: Сухих; Рыблова]. Общенациональное и локально-региональное — так можно разграничить позиции Плотникова и Железнова, хотя в целом и они, и позиция Небольсина — это разные версии имперского, колониального сознания, трансформируемого российскими просторами и теми социальными группами, которые осуществляют оформляющую коррекцию взгляда того или иного актора. Подчеркнем, что обозначенное столкновение точек зрения произошло на почве текстов, которыми обменивались субъекты высказываний, выступая и в качестве читателей, и в качестве критиков, а уже на основе своего критического прочтения и интерпретации входящие в роли авторов, создающих свои тексты самоописания и свои версии «значения» восточной территории и ее населения для России, цементирующего всю полемику.

Источники

Даль В. И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург : Оренб. кн. изд-во, 2001.

Железнов И. Несколько замечаний уральского казака, по поводу статей П. И. Небольсина об уральских казаках // *Московитянин*. 1855а. № 7, апр. Кн. 1. С. 150–167.

Железнов И. Несколько замечаний уральского казака, по поводу статей П. И. Небольсина об уральских казаках. Статья вторая и последняя // *Московитянин*. 1855б. № 12, июнь. Кн. 2. С. 83–114.

Железнов И. Несколько замечаний уральского казака, по поводу сочинений П. И. Небольсина об уральском казаке. (Статья третья, дополнительная) // *Московитянин*. 1855в. № 15 и 16, авг. Кн. 1 и 2. С. 211–218.

Железнов И. Киргизомания // *Рус. вестник*. 1860. Т. 30, нояб. Кн. 1. С. 45–51.

Железнов И. И. Полное собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Н. А. Бородина. 3-е изд. СПб. : Общественная польза, 1910. Т. 1.

Максимов С. С дороги в Уральск; Из Уральска // *Морской сборник*. 1863. № 10. С. 311–326; № 11. С. 87–100.

Михайлов М. Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856–1857 гг.) // *Морской сборник*. Т. 43. 1859. № 9. С. 1–29.

Небольсин П. Несколько замечаний об Уральских казаках // *Вестн. Имп. рус. геогр. о-ва*. 1854а. Кн. 6. С. 199–228.

Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб. : Тип. Штаба Военно-учебных заведений, 1854б.

Небольсин П. Ответ на возражения (Письмо в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей») // *С.-Петерб. ведомости*. 1855а. № 168. 3 авг. С. 1–3.

Небольсин П. Уральцы // *Библиотека для чтения*. 1855б. Т. 130. № 3–4. С. 95–165; Т. 131. № 5–6. С. 44–98.

Небольсин П. Путешествующие киргизы // *Рус. вестник*. 1860. Т. 29, сент. Кн. 1. С. 41–49.

Небольсин П. Письмо к издателю «Русского вестника» // *Совр. летопись*. 1861. № 5, февр. С. 30–31.

Плотников Л. По поводу статьи «Путешествующие киргизы» // *Рус. вестник*. 1860. Т. 30, дек. С. 245–277.

Плотников Л. Письмо к издателю «Русского вестника» // *Совр. летопись*. 1861. № 33, авг. С. 31–32.

Исследования

Ашкрофт Б. Язык // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / [ред.-сост.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов]. М. : Новое изд-во, 2010. С. 228–261.

Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М. : Рус. словари, 1996.

Володина Н. В. Критерий пользы в оценке искусства русской литературной критикой 1860-х гг. // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки*. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 93–107.

Зыкова Г. В. Поэтика русского журнала 1830–1870-х гг. М. : МАКС Пресс, 2005.

Оляшек Б. «Русские споры» в художественном дискурсе классиков. Лодзь : Изд-во Лодз. ун-та, 2016.

Рыблова М. А. Материалы по этнографии казахов-букеевцев в российской дореволюционной периодике // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Регионоведение. Междунар. отношения*. 2017. Т. 22. № 3. С. 169–182.

«Современник» против «Московитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов / изд. подгот. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков, А. С. Федотов. СПб. : Нестор-История, 2015.

Соколова В. Ф. Народознание и русская литература XIX века. М. : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2004.

Сухих О. Е. Империя напоказ, или Имперский опыт воспитания верноподданных чувств у казахской знати в XVIII–XIX вв. // Азиатская Россия: люди и структуры империи. К 50-летию со дня рожд. проф. А. В. Ремнева : сб. науч. ст. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 149–162.

Центральная Азия в составе Российской империи / [С. Н. Абашин и др.; отв. ред.: С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова]. М. : Новое лит. обозрение, 2008.

Ядринцев Н. М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1 : (с 20 февр. 1872 г. по 8 апр. 1873 г.) / изд. ред. ж. «Сибирские записки» (на средства А. М. Григорьевой). Красноярск : Тип. Енисейского губ. союза кооператоров, 1918 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8990/> (дата обращения: 21.05.2018).

References

Abashin, S. N., Arapov, D. Yu., & Bekmakhanova, N. E. (Eds.). (2008). *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii* [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Ashcroft, B. (2010). Yazyk [Language]. In I. Gerasimov, M. Mogilner, & A. Semenov (Eds.), *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of the Empire and Nationalism] (pp. 228–261). Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)

Bakhtin, M. M. (1996). *Sobranie sochinenii* [Collected Works] (Vols. 1–7). (Vol. 5). Moscow: Russkie slovari. (In Russian)

Olaszek, B. (2016). “Russkie spory” v hudozhestvennom diskurse klassikov [“Russian Disputes” in the Artistic Discourse of the Classics]. Łódź: Łódz University Press. (In Russian)

Ryblova, M. A. (2017). Materialy po etnografii kazahov-bukeevcev v rossijskoj dorevolucionnoj periodike [Materials on the Ethnography of the Kazakh-Bukeevtsy in Russian Pre-Revolutionary Periodicals]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 22, 3, 169–182. (In Russian)

Sokolova, V. F. (2004). *Narodoznaniye i russkaya literatura XIX veka* [Folk Studies and the Russian Literature in the 19th Century]. Moscow: Izdatel'stvo MGU im. A. A. Kuleshova. (In Russian)

Sukhikh, O. E. (2005). Imperiya napokaz, ili Imperskiy opyt vospitaniya vernopoddannicheskikh chuvstv u kazahskoj znati v XVIII–XIX vv. [Empire for Show, or Imperial Experience of Educating Loyalty in the Kazakh Aristocracy in the 18th–19th Centuries]. In *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. K 50-letiyu so dnya rozh. prof. A. V. Remneva: sb. nauch. st.* [Asian Russia: People and Structures of the Empire. For Professor A. V. Remnev's 50th Birthday. A Collection of Scholarly Articles] (pp. 149–162). Omsk: Omsk State University Press.

Vdovin, A. V., Zubkov, K. Yu., & Fedotov, A. S. (Eds.). (2015) “Sovremennik” protiv “Moskovityanina”. *Literaturno-kriticheskaya polemika pervoj poloviny 1850-kh godov* [“Sovremennik” vs “Moskovityanin”. Literary Critical Debate of the First Half of the 1850s]. St Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)

Volodina, N. V. (2018). Kriterii pol'zy v otsenke iskusstva russkoi literaturnoi kritikoi 1860-kh gg. [The Criterion of Usefulness in the Evaluation of Art in the Russian Literary Criticism of the 1860s]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 1 (172), 93–107. (In Russian)

Yadrincev, N. M. (1918). *Pisma Nikolaya Mihajlovicha Yadrinceva k G. N. Potaninu. Vyp. 1: (s 20 fevr. 1872 g. po 8 apr. 1873 g.)* [Letters from Nikolay Mikhailovich Yadrincev to G. N. Potanin. Issue. 1: (from 20 February 1872 to 8 April 1873)]. Krasnoyarsk: Tip. Enisejskogo gubernskogo soyuza kooperatorov. Retrieved from <http://elib.tomsk.ru/purl/1-8990/>. (In Russian)

Zykova, G. V. (2005). *Poetika russkogo zhurnala 1830–1870-kh gg.* [The Poetics of a Russian Magazine of the 1830s–1870s]. Moscow: MAKSS Press.

Созина Елена Константиновна

доктор филологических наук, профессор,
зав. сектором истории литературы
Институт истории и археологии
УрО РАН
620990, Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Sozina, Elena Konstantinovna

Dr. Hab. (Philology), Professor,
Head of the Sector of the History of Literature
Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16, S. Kovalevskaya Str., 620990 Yekaterinburg,
Russia;
Professor,
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: elenasozina1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3810-867X
Researcher ID: A-10792016